

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-185-197

УДК 316

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ: РЫНОК, ГОСУДАРСТВО, НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Ерохина Елена Анатольевна,

*доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник*

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

leroh@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена роли институциональных детерминант в воспроизводстве этнического многообразия. Этническое многообразие рассматривается в двух аспектах: как результат личностной идентификации (номинативный аспект) и как надындивидуальный феномен (нормативный аспект). Совокупность представлений о том, что значит «быть кем-то» и «кого называют кем-то» по национальности (этнической принадлежности), выступает основой воспроизводства этничности как набора правил, включающих правила членства и механизмы сохранения границ. Однако сама этничность вписана в более широкий социальный контекст, из которого эти правила и механизмы вырастают. Объективированные структуры, в совокупности составляющие социальный порядок, выступают институциональными детерминантами этничности. В качестве таковых в статье выделены государство, рынок и неформальные структуры: семья, родство, община (землячество). Отмечается различие хозяйственно-культурных типов и экономических укладов разных народов как основание этнического неравенства. Подчеркивается роль государства в усилении или смягчении статусного неравенства этнических групп. Раскрывается значимость неформальных институтов в воспроизводстве этнического многообразия. Неформальные институты способны снимать напряженность, вызванную социальными барьерами, уберегать общество от разрывов, препятствовать чрезмерной поляризации его различных сегментов. Другой стороной неформальных институтов оказывается их способность создавать новые барьеры и ограничения. Делается вывод о том, что действие формальных институтов создает предпосылки для этнической стратификации, тогда как неформальные институты репрезентируют самоорганизацию. Этничность существует в поле управляемой модернизации и в поле спонтанной самоорганизации. На пересечении формального и неформального режимов работы социаль-

ных институтов формируются особые условия воспроизводства этничности. Приведены примеры того, как статус отдельных сословий подданных Российской империи определил специфику воспроизводства этничности в Российской империи. На примере отдельных кейсов рассмотрены конкретные случаи воспроизводства этнического многообразия на пересечении деятельности неформальных структур, государства и рынка в условиях современной России.

Ключевые слова: детерминанты, институты, неформальные структуры, государство, патернализм, рынок, этническое многообразие, этничность.

Библиографическое описание для цитирования:

Ерохина Е.А. Детерминанты воспроизводства этнического многообразия: рынок, государство, неформальные институты // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 2. – С. 185–197. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-185-197.

Этническое многообразие представляет собой одну из базовых, наряду с неравенством, категорий структурного описания общества. Если неравенство позволяет характеризовать социальную структуру исходя из сравнения социальных позиций в статусной иерархии, т. е. по вертикали, то этническое многообразие является параметром горизонтальной дифференциации общества. Как научное понятие, этническое многообразие появляется в качестве инструмента этнографических и антропологических исследований, связанного с выявлением общих закономерностей развития этнических общностей (групп) и форм их воспроизводства в традиционном и современном социуме [6].

В настоящее время в академической науке существует широкий веер методологических подходов к определению этничности как социокультурного феномена и соответствующего понятия [2, 4, 5, 9–11]. При этом все исследователи солидарны в одном: значимым критерием этнической дифференциации является идентичность, а основанием для различения выступают этнические границы. Само понимание этих границ различается у представителей разных методологических школ: от приписывания им объективного значения (примордиализм) до признания их искусственного, сугубо субъективного характера (инструментализм). И если один методологический полюс фиксирует надиндивидуальный характер данного феномена, то второй – сугубо индивидуальный. Отталкиваясь от понимания этничности как феномена, воспроизводящегося на обоих уровнях социальной реальности, зафиксируем два его существенных аспекта: номинативный и нормативный.

Номинация фиксирует результат личностной идентификации. Идентификационная матрица у каждого человека индивидуальна и многослой-

на. Однако ключевым для этнической самоидентификации является представление о том, «*что значит быть...*» кем-то по национальности (этнической принадлежности). «*Что значит быть...*» есть результат осмысления не только собственной этничности, но и рефлексии над индивидуальным проигрыванием этнических ролей и социальной средой, проявляющей этничность.

Другой аспект – нормативность – связан с социальным приписыванием. Для успешной этнической социализации оказывается недостаточно *быть кем-то* по национальности. Не менее важна *принадлежность*, признание индивида в качестве члена «своей» этнической группы соплеменниками. В ситуации совпадения внешнего приписывания и индивидуального самоопределения можно говорить об успешной этнической социализации. В случае же расхождения личностного и приписанного этнических статусов возникает незавершенность, которая может давать различные эффекты, например, гипертрофированную этничность или фрустрацию, обусловленную сомнениями в собственной этничности.

Таким образом, этничность оказывается связанной одновременно и с личностной идентификацией, и с социальным приписыванием. Последнее результирует определение норм сетевого членства и правил переопределения этнических границ. Правила приписывания к той или иной общности и исключения из нее имеют принуждающий для индивида характер, что не отрицает, конечно, того, что каждый индивид способен проигрывать этнические роли с определенной степенью произвольности. Тем не менее наличие правил ограничивает степень этой произвольности.

Совокупность представлений о том, «*что значит быть кем-то*» и «*кого называют кем-то*», выступает основой воспроизводства этничности как набора правил, включающих правила членства и механизмы сохранения границ. Однако сама этничность вписана в более широкий социальный порядок, из которого эти правила и механизмы вырастают. Это объективированные структуры, внешние и по отношению к нормативности, и по отношению к номинативности. Именно они в совокупности составляют социальный порядок, выступая институциональными детерминантами этничности. В качестве таковых структур можно выделить государство, рынок и неформальные структуры: семью, родство, общину (землячество).

Рынок есть вершина айсберга, который Ф. Бродель называл материальной цивилизацией [3]. Рынок есть проявление материальной жизни общества, его производственной структуры, распределения и потребления его членов. Условия материальной жизни обусловлены доминирующими хозяйственно-культурным типом (ХКТ) и экономическим укладом [7]. Разница ХКТ и экономических укладов задает основание для этнического нера-

венства. В то же время она выступает условием разделения труда и экономического обмена.

По отношению к этничности рынок нейтрален, он может объединять и разобщать, содействовать как конкуренции, так и сотрудничеству. Однако у него есть одно специфическое свойство: в рамках экономических отношений он содействует формированию профессиональных ниш, которые заполняются представителями определенных этнических групп. К примеру, в средневековой Европе итальянцы и евреи составляли основу профессиональных сообществ ростовщиков и банкиров. В тот же период на Среднем Востоке основой чиновничества и городской интеллигенции оставались таджики, тогда как тюркские народы составляли по преимуществу крестьянское население.

Таким образом, ХКТ и экономический уклад, с одной стороны, и разделение труда и экономический обмен – с другой, выступают основаниями социального порядка, содействующего воспроизводству этнического многообразия. Однако сказать определенно, зависит ли динамика его роста и сокращения напрямую от экономических детерминант, невозможно. Целое и часть, материальная жизнь вообще и рынок как ее структура, находятся в сложных отношениях. По мере утверждения отношений буржуазного типа можно наблюдать не усложнение многообразия, как следовало бы ожидать, а, напротив, его сокращение. Рынок подчиняет этническое многообразие логике печатного капитализма, нивелирует этнолокальные и субэтнические различия в плавильном котле национализма. И здесь союзником рынка оказывается другой институт – государство [1].

Государство – это тоже вершина, но уже иного айсберга, айсберга социальной организации, системы, основанной на стратификации. Характер стратификации может определяться в том числе материальной жизнью. Однако в обществах преמודерна стратификационную роль выполняли по преимуществу сословный порядок и религия. Важно, что государство данный тип стратификации формализовало в целях собственного воспроизводства, опираясь на силу закона. Государство, ограничивая одни этнические группы и оказывая протекцию другим, структурирует этнические границы, придавая им сословный характер. Кодификация этнического многообразия в юридических терминах фиксирует этнические перегородки, закрепляет этнические барьеры, ограничивает социальную мобильность отдельных групп. Это вызывает преобразование природы этнического многообразия: номинальные основания различий замещаются статусными.

В Новое и Новейшее время, по мере перехода от династийно-монархического к национально-гражданскому типу легитимации политической власти, государство теряет интерес к поддержанию этнических перегородо-

док, оказываясь более всего заинтересованным в культурной гомогенизации. Со второй половины XVII в. и до настоящего времени управление этническим многообразием становится частью административной политики государства. Типичными мерами, направленными на снижение культурной разнородности, становятся практики введения стандартизированных национальных языков, систем управления, образования. Однако это не предполагает полного отказа от политико-юридических институтов легитимации этничности.

Вeer возможностей управления национальных государств модерна располагался между двумя условными полюсами: с одной стороны, культурной унификацией и ассимиляцией; с другой стороны, признанием разнообразия в пределах, допустимых для управления [8]. Франция и США представляют собой государства-тиглы ассимиляторского типа, тогда как Россия или Великобритания являют собой пример учета многообразия и инкорпорации меньшинств в доминирующую культуру. Например, валлийская идентичность является частью того, что считается британскостью. И в России также исторически сложилось немало гибридных типов идентификации, которые связывают идентичность этнических меньшинств с культурой доминирующего большинства. Этому в немалой степени содействовала политика государственного патернализма по отношению к определенным этническим группам как меньшинства, так и большинства. В ряде случаев она совмещалась с частичной дискриминацией.

Так, например, в Российской империи особую категорию подданных составляла группа так называемых инородцев, которая включала представителей коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Термин «инородец» впервые появился в «Уставе об управлении инородцев» (22 июля 1822 г.) по отношению к тем подданным, которые к моменту перехода под власть Российской империи находились в составе раннеклассовых обществ. Этот термин заменил ранее существовавший – ясачные народы. Устав определил их положение («оседлые», «кочевые» или «бродячие») с учетом уровня социально-экономического развития и порядка постепенного вхождения в состав России. Инородцы освобождались от поставки рекрутов в армию, пользовались отсрочками при уплате налогов и отбывании повинностей. За инородцами закреплялись земли, находящиеся в их пользовании. Ясачные люди имели право на свободный и беспоплинный сбыт своей продукции. Инородцы могли отдавать детей учиться в государственные учебные заведения и открывать свои училища. Провозглашалось право исповедовать традиционную религию и выполнять соответствующие обряды. Это не препятствовало, однако, и произволу чиновничества, и отъему земель для размещения крестьян, прибывающих из европейской России, и принятию на себя роли европейской державы с соответствующей

колониальной риторикой. Как следствие, термин «иностранец» в противовес ранее распространенным терминам «иноземец» и «иноверец» предполагал низкий статус его носителя, оставался синонимом дикости и отсталости.

Другим примером совмещения патернализма и дискриминации можно считать политику российской власти в отношении сословия крепостных (помещичьих, кабинетских, государственных) крестьян. Костяк данного сословия в европейской части России составляли крестьяне великорусских губерний. Крепостное состояние лишало человека гражданских прав, при этом обязывало его нести повинности перед инстанцией, с которой он состоял в зависимых отношениях, а также перед государством (например, рекрутскую повинность). Русское крестьянство было основной тягловой категорией государства, т. е. несло основную часть денежных и натуральных повинностей, находясь в менее привилегированном положении в сравнении с представителями других этнических групп, сословная принадлежность которых не предполагала такого поражения в правах. При этом государство и образованная часть элиты, особенно после 1812 г., брали на себя смелость выступать от имени русского народа, формулируя принцип народности как дополнительный к православию и самодержавию (например, в знаменитой формуле графа С. Уварова). В идеологической борьбе, например, с польским национальным проектом за лояльность украинцев, белорусов и литовцев на западных окраинах Российской империи государство использовало практики русификации, оказывая поддержку русскому культурному влиянию. То же самое можно сказать и о других частях империи, например, о Поволжье, где русское влияние продвигалось в семантической связи с европеизацией в противоположность татарскому влиянию на чувашей, мораву и мари.

Сословная организация российского общества была упразднена в 1917 г. В законодательстве СССР сословий как юридических категорий не существовало. Нет их и в современной России. Однако это не означает, что в законодательстве нет выделенных групп или групп с особыми правами. Во-первых, законодательно закреплено признание и защита особых прав коренных малочисленных народов (ст. 69 Конституции и ряд ФЗ). Во-вторых, в Стратегии государственной национальной политики зафиксирована объединяющая роль русских. В-третьих, несмотря на отсутствие в законе понятия «титульная группа», среди ученых это понятие существует для обозначения этнической группы, дающей название соответствующему субъекту федерации, даже если она не является численно доминирующей в регионе группой. Часть субъектов РФ образована по национально-территориальному признаку, и в конституциях либо других основополагающих документах субъектов РФ зафиксирован особый статус языка титуль-

ного этноса. При этом неформальным принципом управления до недавнего времени оставался паритет государственных языков, русского языка и языка субъекта РФ.

Однако паритет как принцип, отражающий определенное равновесие в языковой политике национальных субъектов Российской Федерации, является скорее неформальным институтом, но не юридически закрепленной нормой. Так, например, 20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле президент РФ высказался по поводу языковой политики следующим образом: «У каждой территории свои особенности межэтнических отношений, и, конечно, их нужно учитывать, обеспечивая при этом единые подходы к решению задач национальной политики государства в целом. Например, в сфере преподавания русского языка и языков народов России в школах. Хочу напомнить, уважаемые друзья, что русский язык для нас – язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый».

Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации».

Данное высказывание недвусмысленно подчеркивает приоритет государственного русского языка в образовательном пространстве над другими родными языками, в том числе обладающими государственным статусом и потому обязательными для обучения в некоторых субъектах РФ. Если до лета 2017 г. языковая политика в субъектах РФ опиралась на понимание паритета как равенства двух государственных языков, русского языка как государственного языка РФ и языка титульного этноса как государственного языка соответствующего субъекта России, то с осени 2017 г. вопрос о статусе языков поставлен в иерархическую плоскость. Упомянутое заседание обозначило новую повестку дня в языковой политике: каким должен быть новый подход к пониманию отношений между государственным языком Российской Федерации и государственными языками ее субъектов?

Данный кейс отражает способность неформальных институтов воспроизводиться даже в системе государственного управления, чрезвычайно регламентированной сферы социальной жизни. Почему неформальные институты так важны? Какой аспект социальной реальности описывает данное понятие? На значение неформальных институтов, автоном-

ное воспроизводство которых не зависит от рынка и государства, в своих работах по эксплоярной экономике указал Т. Шанин. При этом его собственные исследования опирались на труды А. Чаянова, который первым обнаружил их эффекты и дал им описание [12, 13]. Если понимать неформальный институт как совокупность норм и связанных с ними социальных ролей и санкций, не обладающих юридической силой, признанной государством, имеющих локальный характер, и складывающихся спонтанно в результате взаимодействия людей, преследующих собственные интересы, то очевидным становится их главное отличие от рынка и государства. Их специфика заключается в персонифицированном характере социального участия акторов, тогда как действие формальных институтов характеризует анонимность и безличность. Неформальными институтами являются мораль и обычное право, самоуправление и корпоративные нормы, этические кодексы и институт репутации. В этнической сфере это родство и землячество, права и обязанности, накладываемые принадлежностью к роду или патронимической группе, право коллективного владения и использования ресурсной базы на основе членства в сообществе, а не на частной собственности. В сфере власти это неформальные правила распределения представительства этнических групп на тех или иных позициях в управляющих структурах.

Важность неформальных институтов определена тем, что они оберегают общества от разрыва, препятствуют чрезмерной поляризации его различных сегментов. Неформальные институты способны снимать напряженность, вызванную непреодолимыми порой для индивида социальными барьерами. Особенно важны они в период модернизационного перехода, когда социальных лифтов оказывается недостаточно, чтобы поднять наверх всех активных членов общества. В такой ситуации общество скрепляют неформальные институты (например, институт репутации, который работал во всех социальных группах. Он позволял оценить личный статус независимо от социального положения владельца. Примером неформального института можно считать и институт круговой поруки в русской крестьянской общине).

Другой стороной неформальных институтов оказывается их способность создавать барьеры и ограничения. Облегчая возможности социальной мобильности в одном месте, они создают препятствие в другом. Пример – анклавизация современных этнических мигрантов в Европе, когда взаимопомощь и взаимовыручка соплеменников, помогающие на начальных этапах адаптации, в дальнейшем препятствуют интеграции. Другой пример – самозанятость коренных малочисленных народов Севера и неформальная экономика диаспор, которые создают серые зоны в налогообложении.

Резюмируя вышесказанное, мы можем заключить, что формальные институты формируют предпосылки для этнической стратификации, тогда как неформальные институты репрезентируют самоорганизацию. Этничность существует в обоих полях, в поле управляемой модернизации и в поле спонтанной самоорганизации. Можно ли выделять неформальный институт как самостоятельную детерминанту наряду с рынком и государством? В отношении воспроизводства этничности – безусловно да.

На пересечении формального и неформального режимов работы социальных институтов формируются особые условия воспроизводства этничности (например, этничность титульных групп в национальных республиках). Здесь институтом легитимации этничности оказывается федерализм, что, безусловно, положительно с точки зрения сохранения многообразия и мироцелостности межэтнических сообществ. Сегодня без поддержки государства СМИ, литература, искусство на национальном языке не могут развиваться. Негативную роль в упадке многообразия играет рынок. В ситуации экономической конкуренции национальный язык заведомо проигрывает русскому, в том числе и потому, что им владеют все. Реклама, коммерческие предложения – кровь современной медийной культуры – питаются русским языком. Поэтому необходимы государственные дотации, поддерживающие использование национальных государственных языков субъектов РФ. С другой стороны, мы имеем дело с практиками этнократизма и этноклановости, что, без сомнения, препятствует работе социальных лифтов и создает межэтническую напряженность.

Особые режимы возникают на перекрестье рынка и неформальных структур, таких, например, как торговые кавказские и среднеазиатские диаспоры в современных российских городах. При этом для формальных институтов, УФМС, правоохранителей, таможенных и налоговых служб эта сфера является серой, а иногда и теневой. Этому в немалой степени способствуют несовершенство российского законодательства и практики коррупции, острая экономическая конкуренция, выталкивающая диаспоры из пространства легальной экономической деятельности.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 18–19.
3. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. – М.: Весь мир, 2008. – 545 с.
4. *Брамлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 390 с.

5. *Дробижьева А.М.* Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сборник в честь Ю.В. Арутюняна. – М., 2005. – С. 14–25.
6. *Ерохина Е.А.* Этническое разнообразие как научный концепт и социокультурный феномен // Вестник НГУ. Серия: Философия. - 2013. - Т. 11, вып. 1. - С. 47–53.
7. *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке проблемы // Советская этнография. – 1955. – № 4. – С. 3–17.
8. *Миллер А.П.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). – СПб.: Алетейя, 2000. – 281 с.
9. *Низамова Л.Р.* Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12, № 1. – С. 141–159.
10. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
11. *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
12. *Чалнов А.* К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 467–498.
13. *Шанин Т.* Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 11–32.

Статья поступила в редакцию 24.04.2018 г.

Статья прошла рецензирование 02.06.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-185-197

DETERMINANTS OF THE REPRODUCTION OF ETHNIC DIVERSITY: MARKET, STATE, INFORMAL INSTITUTIONS

Erokhina Elena,*Dr. of Sc. (Philosophy),**Leading Researcher,**Institute of Philosophy and Law SB RAS,**8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

leroh@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to the role of institutional determinants in the reproduction of ethnic diversity. Ethnic diversity is considered in two aspects: as a result of personal identification (nominative aspect) and as a supra-individual phenomenon (normative aspect). The aggregate of ideas about «what means to be someone» and «who is called to be someone» by nationality (ethnicity) is the basis for the reproduction of ethnicity as a set of rules that includes membership rules and borders management mechanisms. However, the ethnicity itself is inscribed into broader social context from which these rules and mechanisms have been growing. Objectified structures which together constitute a social order are the institutional determinants of ethnicity. As such ones, the article stands out the State, the market, and some informal structures: family, kinship, and community. The author notes the distinction between the economic-cultural types and economic structures of different peoples as the basis of ethnic inequality. The article highlights the role of the State in strengthening or mitigation of status inequality of ethnic groups and reveals the significance of informal institutions in the reproduction of ethnic diversity. Informal institutions can relieve the tension caused by social barriers, can guard the society from rifts, and can prevent excessive polarization of its various segments. Another aspect of informal institutions is their ability to create new barriers and constraints. The author concludes that an activity of formal institutions creates prerequisites for ethnic stratification, while informal institutions represent self-organization. Ethnicity exists in both fields: in the field of managed modernization and in the field of spontaneous self-organization. At the intersection of formal and informal modes of social institutions work, special conditions for ethnicity reproduction are formed. The author provides examples of how the status of separate classes of Russian Empire patrials determined the specificity of ethnicity reproduction in the Russian Empire. On the examples of individual cases, the paper considers the specific occurrences of reproduction of ethnic diversity at the intersection of activities of informal structures, the state, and the market in the conditions of modern Russia.

Keywords: determinants, institutions, informal structures, the state, paternalism, the market, ethnic diversity, ethnicity.

Bibliographic description for citation:

Erokhina E.A. Determinants of the reproduction of ethnic diversity: market, state, informal institutions. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 2, pp. 185–197. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-185-197.

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow, Kanon-Press C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p. (In Russian).
2. Bart F. Vvedenie [Introduction]. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 9–48. (In Russian).
3. Braudel F. *Grammatika tsivilizatsii* [Grammar of civilizations]. Moscow, Ves' mir Publ., 2008. 545 p. (In Russian).
4. Bromlei Yu.V. *Sovremennye problemy etnografii (ocherki teorii i istorii)* [Modern problems of ethnography (essays of theory and history)]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 390 p.
5. Drobizheva L.M. Etnosotsiologiya segodnya. Problemy metodologii mezhdistsiplinarnykh issledovaniі [Ethnosociology today. Problems of the methodology of interdisciplinary research]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Interdisciplinary research in the context of socio-cultural anthropology]. Moscow, 2005, pp. 14–25.
6. Erokhina E.A. Etnicheskoe raznoobrazie kak nauchnyi kontsept i sotsiokul'turnyi fenomen [Ethnic diversity as a scientific concept and socio-cultural phenomenon]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, iss. 1, pp. 47–53.
7. Levin M.G., Cheboksarov N.N. Khozyaistvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti: k postanovke problemy [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas: the formulation of the problem]. *Sovetskaya etnografiya – Soviet ethnography*, 1955, no. 4, pp. 3–17.
8. Miller A.I. "Ukrainskii vopros" v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii: (vtoraya polovina XIX veka) ["The Ukrainian question" in the policy of the authorities and Russian public opinion: (second half of the XIX century)]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 281 p. (In Russian).
9. Nizamova L.R. Slozhnosostavnaya kontseptsiya modernoi etnichnosti: predely i vozmozhnosti teoreticheskogo sinteza [Complex concept of modern ethnicity: limits and possibilities of theoretical synthesis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2009, vol. 12, no. 1, pp. 141–159. (In Russian).
10. Tishkov V.A. *Rekvem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [The requiem for the ethnos: studies on socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.
11. Smith A. *Natsionalizm i modernizm: kriticheskiі obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and modernism: a critical review of modern theories of nations and nationalism]. Moscow, Praxis Publ., 2004. 464 p. (In Russian).

12. Chayanov A. K voprosu o teorii nekapitalisticheskikh ekonomicheskikh sistem [To the question of the theory of noncapitalist economic systems]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal economy. Russia and the world]. Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 467–498.

13. Shanin T. Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoi Rossii [Expolar structures and informal economy of modern Russia]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal economy. Russia and the world]. Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 11–32.

The article was received on 24.04.2018.

The article was reviewed on 02.06.2018.